

Православный Собесѣдникъ

№ 7 (68) СЕНТЯБРЬ 2023

ГАЗЕТА ЭСТОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

Редакция: Pikk 64, Tallinn, 10133, Тел. +372 641 1301
Главный редактор: Митрополит Евгений

Издание возобновлено по благословию митрополита
Таллинского и всея Эстонии Корнилия

14 СЕНТЯБРЯ – ЦЕРКОВНОЕ НОВОЛЕТИЕ

14 сентября (1 сентября по старому стилю) — день начала нового Церковного года. Последним праздником завершающегося года является Успение Божией Матери, а первыми праздниками нового года — Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября) и Всемирное воздвижение честного и животворящего Креста Господня (27 сентября).

ИНДИКТ [индиктион] - 15-летний период, использовавшийся в качестве единицы системы летосчисления. Индиктом назывался номер года внутри такого цикла. В Православии – годовой круг богослужения.

История индикта

Ещё в Ветхом Завете Господь Бог наш повелел каждый год особенно праздновать наступление седьмого месяца, чтобы люди в сей день, освободившись от житейской суеты, служили Единому Богу.

Император Константин Великий, одержав 1 сентября 312 года победу над Максентием, даровал христианам полную свободу исповедовать свою веру. Отцы Первого Вселенского Собора (в 325 году) в память об этом определили начинать Новый год с 1 сентября, как дня, который был началом «свободы христианской». На Руси в 1492 году Московский собор принял считать летоисчисление с 1 сентября вместо 1 марта в честь этого великого события.

По приказу Петра Первого празднование государственного Нового года на Руси было перенесено на январь, но Церковное новолетие осталось неизменным – приходится на сентябрь.

На Руси день Церковного новолетия посвящался делам милосердия. Никто не оставался без утешения: нищие, убогие и заключённые в темницах – все получали еду и одежду.

Проповедь на Церковное новолетие свщм.Сергия Мечёва Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

По милости Божией, сегодня мы с вами вступаем в новый Церковный год. Ежегодно, идя от праздника к празднику, Святая Церковь вместе со всей природою проходит от начала до конца годовой круг богослужения.

Для людей, живущих в мире, наступление нового года обычно связывается с тягостным чувством сожаления о том, что он мог бы сделать и что осталось несделанным. Оглядываясь назад на прожитое время, человек неизбежно думает о том, что безвозвратно упущено в прошлом, чего уже нельзя вернуть или изменить в будущем.

Людам, живущим духовною жизнью, чуждо это чувство безвозвратности минувшего, потому что они живут в мире, где нет временных ограничений, где преодолеваются границы прошлого, настоящего и будущего.

Недавно мы с вами погребали Божию Матерь и не «вспоминали» о Её погребении, а действительно погребали Её, а через несколько дней будем снова праздновать Её Рождество. Это становится возможным благодаря тому, что, совершая богослужение, мы вступаем в мир, в

котором уничтожаются грани времени, потому что в богослужении мы живём в вечности. Через это приобщение к вечности мы можем реально присутствовать событиям, от которых нас, людей XX века, исторически отделяет целый ряд протекших столетий.

Преодолевая в богослужении границы времени и вступая в мир вечности, мы входим в него не одни, а вместе со всею природою. В богослуженных песнопениях постоянно говорится об участии всей твари в той радости, которую испытывает человек, приобщаясь к вечности, об участии её в прославлении Творца: «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый» – говорится об этом в каноне Пасхи. И не только небо и земля, но и каждое из творений Божиих в отдельности участвует в этом всеобщем гимне Творцу.

В «хвалитных» псалмах (пс. 148–150), ежедневно читаемых на утрени, мы призываем солнце и луну, звезды и свет, горы и холмы, деревья, зверей и птиц вместе с горным ангельским миром принять участие в прославлении Господа.

Но нигде, кажется, это единство человека со всею тварью в прославлении Бога не выражено с такою глубиной и силою, как в «Песне трех отроков», входящей в состав последней паремии, читаемой в Великую Субботу, каждый стих которой сопровождается припевом «Господа пойте и превозносите Его во веки». Здесь соединяется тварь и сливается в едином и вечном «...превозносите Его во веки» славословии.

Так каждый год вместе со всем миром горним и дольным, с Церковью Небесной и со всей природою, мы можем быть свидетелями и участниками событий, которые совершались «нас ради человек и нашего ради спасения».

Эти события, относящиеся к достроительству нашего спасения, хотя и происшедшие однажды во времени, однако не ушли безвозвратно в прошлое. Они совершились тогда, когда, по словам апостола, «пришла полнота времени» (Гал.4,4). В них до конца открылась тайна любви Божией к человеку, тайна искупительного подвига «Агнца, Закланного от создания мира» (Откр.13,8). Поэтому в мире временном они стали незыблемыми точками вечности, через которые проходит вся тварь и к которым мы имеем возможность приобщиться через богослужение. В богослужении все пребывает в настоящем, потому что в нем все в вечности, поэтому нам нечего печалиться о потерянном прошлом.

Каждая такая точка в вечности в нашем временном мире не только переживается нами в определённый момент времени, но и отбрасывает от себя лучи своего света, которые воспринимаются иногда задолго до наступления самого праздника и которые продолжают светить нам и после того, как мы уже прошли через эту светящуюся точку.

Через две недели мы будем праздновать Воздвижение Креста Господня. Праздник ещё не наступил, а в богослужении мы чувствуем уже приближение этой светящейся точки.

Начиная с 1 августа, мы слышим Воздвиженскую катавасию – «Крест начертая, Моисей». То же самое в ещё большей полноте происходит и при приближении праздника Рождества Христова. За целый месяц до его наступления богослужение начинает готовить нас к прохождению этой святящейся точки вечности. Начиная с праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, мы уже чувствуем, что вместе со всем миром прикасаемся к ней, потому что в этот день поем рождественские ирмосы «Христос рождается». А ещё через две недели, в день памяти Святителя Николая, мы воспеваем первые стихиры предпразднства: «Вертепе благоукасиа», «Сионе, торжествуй» и «Безневестная Дево», которыми заключаются стихиры на Господи возвах на литии и на стиховне великой вечерни.

Особенно замечательны, в смысле подготовки наших душ к вос-

приятию грядущего праздника, две последние стихиры. В первой из них мы обращаемся к «граду Христа Бога», готовящемуся подъять Зиждителя «в вертепе и яслях Возлежащего» и просим открыть нам врата, войдя в которые, мы можем духовными очами увидеть «дланью Содержащаго Тварь», «яко Младенца пеленами Повиваемого», а во второй, как бы уже войдя в эти врата и увидев «Виновицу нашего спасения» Безневестную Деву – Матерь Божию, обращаемся непосредственно к Ней, прося Её открыть нам великую тайну нашего спасения. Чем ближе подходим мы к святящейся точке праздника, тем ярче озаряет нас исходящий от неё свет. В течение пяти дней предпразднства, завершающихся Навечерием Рождества Христова, богослужение со все большей глубиной и полнотой раскрывает нам эту великую тайну, в которую вводит нас Св. Церковь и, наконец,

наступает самый праздник Рождества Христова, точка вечности, которую мы проходим. Здесь стираются грани времени и открывается тайна вечности, потому что, как говорит митрополит Филарет: «Христос доселе снисходит с небес и в такой близости к нам, что мы, подобно пастырям или волхвам, можем приспеть Его божественному явлению».

Не сразу уходит от нас эта точка вечности. В течение семи дней попразднства продолжаем мы жить её отражённым светом. Более того, если действительно отразился в нашей душе явленный в ней свет вечности, то она становится для нас ступенью нашего восхождения к вечной жизни, к которой призывает нас Господь Иисус Христос

Св. Церковь через временное приобщает нас к вечности. Каждого из нас она ведёт по его жизненному пути, в конце которого он должен получить «во блаженном успении

вечный покой» и войти в вечную память Божию.

Будем же с большим вниманием и благоговением подходить к богослужению и входить в него не как зрители или свидетели, а как его участники. Тогда и вся жизнь наша получит новый смысл и новое освещение. По настоящему живя в богослужении, мы уже здесь, на земле можем иметь «вечный покой», можем удостоиться того, что Господь ещё в дни нашей земной жизни будет иметь нас в Своей вечной памяти.

Наше великое счастье, что мы снова входим в годовой богослужбный круг и имеем возможность ещё раз со всем миром пройти его. А наша задача заключается в том, чтобы каждый посылаемый нам Господом год жизни сделать воистину временем приобщения к вечности, входением в то, что по бесконечной любви Божией совершилось «нас ради человек и нашего ради спасения».

БОГ ВНЕ ВРЕМЕНИ

Преподобный Силуан Афонский (в миру Симеон Антонов; 1866 - 1938) – один из самых известных и почитаемых в мире святогорских старцев, подвизавшийся на Афоне в Свято-Пантелеимоновом монастыре. Православные христиане всего мира называют его «апостолом любви XX века». Духовные размышления и наставления старца Силуана, записанные им в нескольких тетрадях, опубликованы его учеником и биографом архимандритом Софронием (Сахаровым). О святом старце Силуане он говорил так: «От природы у него был живой,

«Апостол любви XX века»

сообразительный ум, а долгий опыт духовной борьбы, внутренней умной молитвы, опыт исключительных страданий и исключительных Божественных посещений сделал его нечеловечески мудрым и проницательным».

10 наставлений прп. Силуана Афонского

1. Если постигнет тебя какая неудача, то думай: «Господь видит сердце моё, и если Ему угодно, то будет хорошо и мне, и другим», и так душа твоя всегда будет в мире. А если кто будет роптать: это не так, а это нехорошо, то никогда не будет мира в душе, хотя бы он и пост держал и много молился.

2. Можно много поститься, много молиться и много добра делать, но если при этом будем тщеславиться, то будем подобны бубну, который гремит, а внутри пустой.

3. Многие отчаиваются и пропадают. Души их дичают, и не хотят потом ни молиться, ни читать, ни даже мыслить о Боге. Надо осудить в душе самого себя, но не отчаи-

ваться в милосердии и любви Божией. Нужно стяжать смиренный и сокрушенный дух, тогда отойдут все помыслы и очистится ум. Но надо знать при этом свою меру, чтобы не перетрутить души. Изучи себя, и давай душе подвиг по силе её.

4. Милостивому Господь сразу прощает грехи. Милостивый не помнит зла. Хотя бы его обидели или отняли имения, он будет равнодушен, ибо он знает милость Божию, а «милость Господню никто из людей не может отнять», потому что она высока, она у Бога

5. И когда хочет Господь кого-нибудь помиловать, то внушает другим желание за него молиться, и помогает в этой молитве. Поэтому должно знать, что когда приходит желание молиться за кого-либо, то это значит, что Сам Господь хочет помиловать ту душу и милостиво слушает твои молитвы.

6. Благодать теряется нами за гордость и тщеславие, за неприязнь к брату, за осуждение брата, за зависть. Она оставляет нас за блудную мысль, за пристрастие к земным вещам. За всё сие уходит благодать,

и опустошённая и унылая душа скучает тогда о Боге, как скучал отец наш Адам по изгнании из рая.

7. Господь любит душу мужественную, чтобы она крепко надеялась на Господа.

8. Один раз без нужды я убил муху, и она, бедная, ползала по земле больная, с выпавшими внутренностями, и трое суток я плакал за свою жестокость к твари и до сих пор всё помню этот случай. <...> Дух Божий учит душу любить всё живое, так что и зелёного листа на дереве она не хочет повредить, и цветка полевого не хочет потоптать. Так Дух Божий научает любви ко всем, и душа страдает всякому существу...

9. Кающемся Господь даёт рай и вечное Царство с Собою. По множеству милости Своей Он не помянет грехов наших, как не помянул их разбойнику на кресте.

10. Великое дело пред Богом молиться за тех, кто обижают и оскорбляют нас; за это Господь даст благодать, и ты Духом Святым познаешь Господа, и тогда с радостью будешь терпеть все скорби за Него, и даст тебе Господь любовь ко всему миру, и ты горячо будешь желать добра всем, и будешь молиться за всех, как за свою душу.

На всех языках мира взывает Святое Писание к сердцам людей. Но Господь обращается к христианам не только Словом Евангелия, но и говорит о Своем присутствии зримыми образами православного искусства.

Русский художник Павел Рыженко писал: «Ко мне вера во Христа пришла очень поздно, но, поверив, я захотел побежать за Ним, надеясь когда-нибудь приблизиться к этому Свету...», - так формулировал свою задачу сам художник.

Хочется, чтобы духовное наследие православного художника помогло и Вам, дорогие читатели, приблизиться к Свету.

Свет православного искусства

шел на Куликово поле без доспехов, в одной лишь схиме – как молитвенный предстоятель Духовного мира. Присутствие в войске князя Дмитрия Донского двух монахов-схимников – прп. Андрея Осляби и прп. Александра Пересвета – стало зримым образом Божественного заступничества.

«И дал он им вместо оружия тленного нетленное – крест Христова, нашитый на схимах, и повелел им вместо шлемов золочённых возлагать его на себя». Историческая Куликовская битва произошла в День Рождества Пресвятой Богородицы.

«Я предлагаю людям ещё раз взглянуть на наше неоднозначное прошлое, полное трагических событий, в которых во всей полноте проявился великий дух нашего народа...», - писал П.Рыженко о своих полотнах, на которых оживала история Святой Руси.

Преподобный Серафим Саровский

Один из самых почитаемых святых Православной церкви.

Многие годы прожил Серафим Саровский отшельником в лесу, в небольшой землянке. Ровно 1000 дней и ночей провёл в стоянии на камне с воздетыми руками, позволяя себе спускаться только для скромной трапезы – всегда соблюдал строжайший пост. Посещавшие его в период отшельничества путники свидетельствуют, что даже дикие животные смирялись перед

святостью преподобного Серафима: огромный дикий медведь принимал пищу прямо с его ладони.

Десятилетний обет молчания и уединения – ещё один подвиг Святого, после которого он радушно приветствовал каждого, кто к нему приходил, однако, святой праведник безошибочно определял – кому дать совет, а кого просто молчательно выслушать. А являлись к нему и члены царской фамилии, и государственные деятели...

Преподобный Серафим Саровский скончался во время молитвы

«Ослябя»

Преподобный Андрей Ослябя Послушник Троице-Сергиевой Лавры, принявший великую схиму (совершенное отчуждение от мира ради единения со Христом). По благословию Преподобного Сергия Радонежского прп. Андрей вы-

«Преподобный Серафим». Центральная часть триптиха

у себя в келье. А в 1903 году по инициативе императора Николая II Синод канонизировал Серафима Саровского и признал его в лике святых.

«Истинная вера не может быть

без дел: кто истинно верует, тот непременно имеет и дела».

«Илья Муромец»

Илья Муромец – богатырь, воспетый русскими былинами. Дошедшие до нас предания свидетельствуют, что Илья, по прозвищу «Чоботок», происходил из села Карачарова под городом Муромом, отсюда и данное ему имя – Муромец. В отличие от большинства персонажей былинных историй, Илья вовсе не был богатырём с рождения. Напротив, он родился калекой и три десятка лет просто «не владел руками и ногами». Когда же ему исполнилось 33 года, в деревню заглянули паломники – «калики перехожие». Предания гласят, что от них Илья Муромец и получил чудесное исцеление, дав обет – использовать силу для защиты Родины от врагов. После всех своих славных подвигов богатырь принял иноческий сан в Киево-Печерской лавре, а через несколько веков был причислен к лику святых – Илия Печёрский (преподобный Илия Муромец).

Художник о своей картине «Муравейник»: «На картине изображен утомленный долгой ходьбой по лесу монах-отшельник. Он прошёл свою жизнь, как лес, и, сев на корягу, заметил муравейник. С высоты лет смотрит старик на суету тружеников-муравьёв. Знает монах, что труд человеческий лишь смиряет и очищает,

но не является ни целью, ни гарантом счастья, как и плоды его. Предлагает монах задуматься и нам о целях нашей суетной и тревожной работы. Кому оставим мы плоды нашей жизни? Есть ли покой в наших душах, смысл в нашем каждодневном труде, подчас лишённом даже намёка на плодотворность?»

Несмотря на то, что отшельничество так или иначе характерно для многих религий, наибольшее распространение оно получило именно в христианстве.

Первым православным отшельником принято считать святого Антония Печерского (983- 1073), основателя Киево-Печерской лавры».

Страницы истории

Быль первая

Глухой, как отдалённый гром, взрыв потряс дореволюционный Курск. Руки юного святотатца, обездушенного холодной ложью материалистического ученья, нанесли жестокою рану самому сердцу города и вместе с тем всему русскому народу... Адская машина в щепы разбила внутренность Курского соборного храма. Как мятая бумага было исковеркано железо, в песок и щебень обратился камень, обуглилось и искрошилось дерево... И на этом фоне картины страшного разрушения золотым солнечным лучом остался неповреждённым, без единой трещинки или царапинки чудотворный образ иконы Божией Матери Курской или Коренной... «Бог посрамляем не бывает!» И пусть поныне воспоминаниях самого устроителя взрыва звучит безбожная версия об этом чуде, утверждающая, что «монахи и попы» имели на всякий случай» несколько точных копий иконы и подменили разрушенный образ дубликатом, — разум человеческий (поскольку он честен!) может на это лишь улыбнуться улыбкой сожаления. Какой «всякий случай» могли предвидеть «попы» в России, где святые пользовались таким глубоким и благоговейным почитанием? Нельзя свидетельства истории подменить соображениями в стиле криминальных романов.

Икона уцелела — уцелела вопреки всем физическим и естественным законам. И факт чуда, недавнего, грозно предостерегающего, дивного остаётся неопровергнутым, подтверждённым свидетельством самих святотатцев — исконных ненавистников лика Христова.

Быль вторая

8 декабря 1923 года... Быстро пронеслась по тихим улицам окраинного района Таллина пожарная команда. Из домика в домик полетела тревожная весть: «Горит Казанская церковь!» Побежали люди. Поплыли слухи. Слухи оказались правдой, но правдой преувеличенной. Да, в Казанской церкви был пожар, но потушили его сравнительно скоро... Потемневшей, закоптелой выглядела

внутренность храма... Обуглились киоты, покрылась пузырями краска на стенах. Брешами зияли дыры в потолке и стене. Жутки были разбитые рамы окон. Пожар бушевал в углу возле местно-чтимого образа Казанской иконы Божией Матери. Всё было тронут огнём, всё приняло на себя печать тленности и разрушения... И только святыня храма — большой тёмный от времени образ в ветхой шитой ризе остался в полной неприкосновенности. Уцелело даже стекло киота. Ни огонь, ни дым, ни жар не осмелились осквернить лика Пречистой... Город облетела повесть о новом чуде величия Божия... «Ты еси Бог творяй чудеса!..»

Быль третья

1939 год. В давно обновлённом, отремонтированном храме Рождества Пресвятой Богородицы в Таллине, что знает народ православный под именем Казанской церкви, по месту нахождения чтимой иконы, перед древним образом, сияющим теперь уже новой, благоговейными душами сооружённой металлической ризой, поздним вечером совершается молебное пение... Как некогда сотник, господин умиравшего слуги, послал ко Христу-Спасу своих друзей молить об исцелении, так ныне скорбные родители смертельно больного ребёнка, сами дежурящие у кровати маленькой страдальцы, устами друзей и близких слагают к ногам Пречистой свои последние мольбы и упования. Наука произнесла свой смертный приговор. Человеческий разум отступил с безнадёжностью... Остался Бог... Но разве Он не Творец мира? И разве перед Его величием не равны простая простуда и тяжёлая форма воспаления мозга, когда Он сотворил каждый атом, каждую молекулу Вселенной... И звучат мольбы. И от всей тяготы сердечной рвутся просьбы перед древним ликом образа Той, о Ком последнем позаботился Сын Человеческий в томительные часы крестной муки Великого Пятка. Ведь Она — Мать Чистая — не уставала любить Его и в славе, и в унижении, не уставала любить после Его Вознесения верных учеников Его — провозвестников евангельской радости, не устаёт поныне и

Три чуда. Три были

у Престола Сына Своего молить и умолять Предвечного Спаса о духовных детях Своих, чадах Церкви Христовой, ищущих в Её светлом предстательстве опоры и облегчения.

А в маленькой палате в белых подушках бессильно лежит головка девочки. И текут томительные часы ежечасного ожидания последней гостыи. Смерть или сумасшествие?! Два жутких призрака и ни одного просвета... Нет, просвет есть — там, у образа Пречистой, где сейчас служат молебен... И мысли матери уносятся в храм. Незримо нитью молитвы соединяется дом скорби с домом Божиим. «Пресвятая Богородице, спаси нас», шепчут губы. «Царица моя Преблагая, Надеждо моя Богородице».

Трижды в течение недели звучали мольбы пред Владычицей о спасении болящей отроковицы... Текли дни... Врачи делали исследования. Мучительные исследования состояния спинного мозга заставляли бедного ребёнка вздрагивать при одном упоминании о них... Врачи делали анализы и пожимали плечами... Болезнь сначала, на некоторое время остановилась, как бы стабилизировалась, а затем... исчезла... Осталась слабость, остался измученный организм, но сама болезнь оборвалась резко и решительно... Сами себе не веря, доктор сделали повторные, затем третьи исследования... Долго медлили, боясь напрасно волновать и радовать родителей, чтобы потом не получилось горше разочарования и удара... Наконец, решительно заявили, что, несмотря на все их предположения и вопреки естественному ходу болезни, — девочка спасена.

Один из них, увидев на столе просфору, взял её в руку, долго смотрел на неё и наконец сказал:

«Странные вы — русские — люди! (подразумевай — православные!). У нас надо человеку жить — будет жить, надо умереть — умрёт... А у вас всё иначе: надо человеку умереть, всё к тому идёт, — и вдруг появляются свечечки, просфорочки, молебны и... надо человеку умереть, а он оживает!» Положил просфору и ушёл, как видно, смущённым...

Три чуда — сияющих, ярких,

неопровержимых! И соединяются в них воедино три дивных дара, которыми владеет, как ценностями неоценёнными, Мать душ богоустремлённых — Церковь Христова: иконопочитание, чудотворные иконы и почитание Божией Матери.

* * *

Сколько, однако, самого грубого, беззащитного глумления, грязного улюлюкания, чёрной злобы и ненависти выявлено было в мире в последнее время по поводу этих перлов из духовной сокровищницы Церкви! Сколько горьких переживаний имели в связи с ними православные люди... Никто не даёт себе труда «понять», всякий скор на то, чтобы «пенять»... Люди тратят силы и средства на изучение любого модного мистического течения, любой наносной и поверхностной, но приправленной таинственностью или научной терминологией секты... И они же проходят равнодушно и невнимательно мимо тысячелетнего опыта православия, аскетика которого, открывающая подлинные тайны и глубины души и мира духовного, построенная на истинном основании Христе Иисусе, создана в пустынях и дебрях всех трёх материков Старого Света, от экватора до полярного круга, подвигами неслыханными, людьми невиданными, дерзновением самую смелую фантазию превосходящим... Больно, горько, обидно...

И невыносимо тяжело становится, когда видишь, как сами православные люди, как нищие, умоляющие о куске хлеба, сидят у дверей им же принадлежащих полных снеди амбаров, не вникая в то, что им дано, жадно тянутся за той макулатурой и ярмарочными эффектами эгоизма, спиритизма и прочих «измов», которыми пестра наша взбаламученная жизнь. Тяжко — когда, захлёбываясь от восторга, твердят они о жалких лжеоткровениях и лжечудесах, антихристовых чудесах и фантазмагорях, забывая или не зная, что сами они причастны непрерывному чудотворению и чудоделию Церкви Христовой, поющей своему Владыке, Господу и Основателю «Ты еси Бог творяй чудеса»... ибо подлинно, дивным делам Его нет конца...

Священник Александр Осипов.

«Православный собеседник»

№ 4, 1940 г.

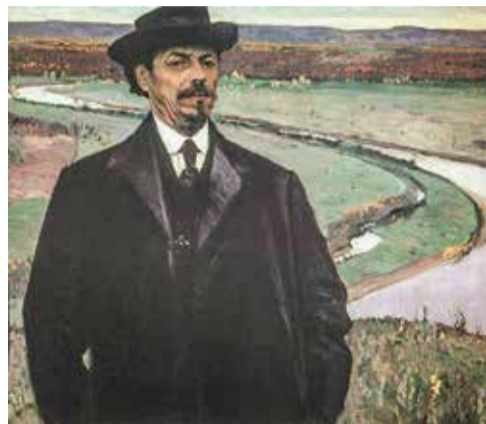

Ольга МАЙЕР,
литературный редактор
газеты «Православный
Собеседник»

Этой публикацией я прощаюсь с многочисленными читателями «Православного Собеседника» и сердечно благодарю за интерес к моим литературным исследованиям, статьям и очеркам. «Духа не угашайте!»

Редакции этой замечательной историко-литературной газеты, занимающей достойное место среди православных изданий современности, желаю помощи Божией на ниве просвещения.

Тоскующий по светлой тишине

Воспоминания современников так и не смогли передать об этом русском художнике то, что неуловимее слов – тоску по Святой Руси. И хотя жизнь Михаила Нестерова не была похожа на жизнь пустынножителя, душа его всегда тосковала по светлой тишине...

Вымоленное Чудо

Из двенадцати детей, родившихся в благочестивой купеческой семье Нестеровых, в живых остались только двое – Александра и Михаил, да и то жизнь мальчика еле-еле «теплилась в лампадке»: до двухлетнего возраста он был очень слабеньким и болезненным. Лучшие врачи Уфы не могли вылечить ребёнка, говорили, что он «не жилец», а мать плакала и молилась...

Когда Михаил Васильевич Нестеров станет известным художником, то часто будет повторять историю своего «воскрешения». По семейной легенде, он выжил благодаря заступничеству почитаемого в семье святого – Тихона Задонского. «Чего-чего со мной не делали! Чем-чем не поили! И у докторов лечили, и ведунов звали, и в печку меня клали, словно недопечённый каравай, и в снег зарывали – ничего не помогало. Я чах да чах. Наконец совсем зачах. Дышать перестал. Решили: помер. Положили меня на стол, под образа, а на грудь мне положили образок Тихона Задонского. Свечи зажгли, как над покойником. Поехали на кладбище заказывать могилку. А мать так от меня и не отходила – молилась, пока наши были на кладбище. Приезжают с кладбища. А я и вздохнул! И отдышался. И здоровым стал». Мать вымолила у Бога это Чудо!

В поиске «жизненной ниши»

До 12 лет Михаил, окружённый сердечной заботой родных, жил в Уфе. Учёба в Уфимской мужской гимназии и Московском реальном училище всем показала, что непримиримая его вражда с

математикой никогда не даст осуществиться мечте отца, желавшего видеть сына коммерсантом. Творческая природа парня явно тяготела к живописи, а изучение «нудных» предметов, вызывавших откровенную скуку, сподвигло его стать заводилой во всех проказах и «бунтарских выходках». Нестерову дали даже прозвище – «Пугачёв».

Василий Иванович Нестеров решил, что не стоит зарывать в землю талант сына и тратить дорогое время на «душные занятия», поэтому Московское училище живописи, ваяния и зодчества стало логическим завершением в поиске «жизненной ниши». В книге мемуаров «Давние дни» Михаил Васильевич напишет о своём отце так: «Я благодарен ему, что он не противился моему поступлению в Училище живописи и дал возможность идти по пути мне любезному, благодаря чему жизнь моя прошла так полно, без насилия над собой, своим призванием, что отец задолго до своего конца мог убедиться, что я не обманул его доверия».

За училищем последует Петербургская Академия художеств, в которой Нестеров проведёт три учебных года, показавшихся ему вечностью, так как его неуверенно тянуло в Москву к любимому наставнику – художнику В.Г. Перову. Именно он научил Михаила реалистично, без поэтических прикрас, находить и выражать «душу темы». Умение видеть за «внешней оболочкой» внутреннюю драму, кроющуюся в глубинах изображаемого, поможет Нестерову в дальнейшем стать одним из лучших портретистов своего времени.

«Ты прекрасна своей душой»

До встречи с Марией Мартыновской в набросках, эскизах и этюдах Нестерова никогда не по-

«Христова невеста»

являлся женский образ. Ольга Михайловна Шрётер (урождённая Нестерова), дочь живописца, вспоминала о своей матери: «Красоты в обычном, трафаретном смысле в ней не было. Была лишь неуловимая прелесть, природная оригинальность (как говорил отец) и удивительная женственность, так привлекавшая не только отца, но и всех знавших её... Слова отца «Ты прекрасна своей душой» ярко характеризуют весь её облик. Вот если можно уловить эту неуловимую прелесть, быть может, «не от мира сего» – будет и сходство, и понятно станет её влияние на творчество отца».

О браке с Мартыновской в родительском доме и слышать не хотели: невеста была без должного образования и состояния, а её брат сослан в Сибирь по делу о народовольцах. Вступить в брак без благословения родителей Михаил не решался, так как послушание в религиозной семье всегда считалось исполнением заповеди Божией. Всё решил случай: ког-

кие минуты переживаний художник подолгу будет молча стоять перед картиной «Большая девушка», в которой современники узнают умирающую Машеньку Мартыновскую.

«...Маши уже не было, не было и недавнего счастья, такого огромного, невероятного счастья. Красавица Маша осталась красавицей, но жизнь ушла. Наступило другое – страшное, непонятное. Как пережил я те дни, недели, месяцы?» – писал Нестеров в своих воспоминаниях. Память постоянно тревожила и не отпускала те счастливые мгновения, которыми художник жил когда-то. И из этой щемящей боли рождались новые полотна, наполненные глубоким трагизмом и светом Любви.

Долгое время Нестерову казалось, что никогда он уже не встретит женщину, близкую его идеалу. Его чувственные увлечения, часто перераставшие в запутанные и болезненные любовные связи, заставляли страдать и тех женщин, которые становились его

«Святая Русь»

да Нестеров уехал в Петербург зарабатывать звание свободного художника, то тяжело там заболел, а Мария Ивановна в дикую весеннюю распутицу примчалась из Уфы в Москву и выходила жениха. Поступок девушки оказался судьбоносным – молодые обвенчались, решив обойтись без родительского благословения. Но семейное счастье длилось меньше года – Мария умерла от родовой горячки и была похоронена в Даниловом монастыре.

Образ любимой женщины останется на многочисленных нестеровских полотнах: узнаваемы её тонкие черты и в «Царевне», и в «Христовой невесте»...А в тяж-

музами, и его самого. Обманывать чужих надежд он не хотел, а жить без «тихого света», которым была Машенька, Нестеров не мог.

Но вот однажды, когда художник заканчивал грандиозное полотно «Святая Русь», в дверь мастерской вошла Екатерина Петровна Васильева, 22-летняя «классная дама» Киевского института благородных девиц, в котором училась дочь Нестерова – Ольга. Екатерина Петровна пришла взглянуть на картину, о которой так много говорилось в городе – «это жизненный путь русского странника и его встреча со Христом». Сам художник о работе сказал так: «Хочу подвести

итоги моих лучших помыслов, лучшей части самого себя».

Через несколько недель после встречи с Екатериной Васильевой Нестеров уже восторженно писал своему близкому другу Александру Турыгину в Уфу: «...Я влюбился, как мальчишка. Она действительно прекрасна, высокая, изящна, очень умна и по общим отзывам дивный, надёжный, самоотверженный человек. И если по дурной привычке своей я не выпрыгну в окно, то через месяц наша свадьба». Нестеров иронично сравнил себя с гоголевским Подколёсиным, которого одолевала мысль: мол, и надо бы жениться, да боязно, и хочется сбежать с собственной свадьбы, выпрыгнув в окно. На сей раз «прыгать в окно» не пришлось. Свадьба с Екатериной состоялась. Женщина подарила живописцу 40 лет тихого счастья, воспитав с ним сына и дочь.

Тоска по Святой Руси

Картина «Видение отроку Варфоломею» стала сенсацией 18-й передвижной художественной выставки в Петербурге. Михаил Нестеров прославился в одночасье.

В основу сюжета положен

«Юность преподобного Сергия»

через пятьдесят лет после моей смерти он ещё будет что-то говорить людям — значит, он живой, значит, жив и я».

Образ преподобного Сергия Радонежского был духовно близок Нестерову с раннего детства. Он знал его по семейной иконе и лубочной картинке, на которой Сергей-пустынник с руки кормил огромного медведя хлебом. Тогда-то Михаил сердцем и почувствовал Святую Русь, где человек и природа равно одухотворены Богом.

Профессор А.В. Прахов, по-

художник отправился в Соловецкую обитель на Белом море. Своих монахов-простоцев он выведет из монастырских стен и оставит в лесной глуши — одних, с молитвой. Оставит в той светлой тишине, по которой так тосковала его душа. «С топором да пилой в лесу Богу молимся», — говорила о себе братия монастыря. Вся природа была для них святым храмом, где звери и птицы не боялись человека.

«Уходящая Россия»

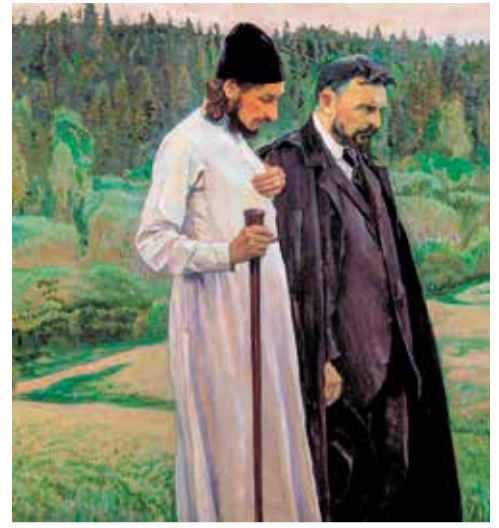
Нестеров работал над монументальной картиной «Христиане» (позже получившей название «На Руси. Душа народа»), когда разразилась Февральская революция, а вслед за ней прогремела Октябрьская, которая и подвела черту под всем, что делал художник: больше не могло быть и речи ни о храмовой росписи, ни о картинах, наполненных молитвенным светом. Нестеров пришёл к трагическому выводу: «России — великой, дорогой, родной и понятной, больше нет, вся жизнь, думы, чувства, надежды, мечты как бы зачёркнуты, поправки, осквернены...». Из лирических нестеровских пейзажей исчезнут святые лики, таящие в себе безмолвную печаль русской души...

«Уходящую Россию» художник успеет запечатлеть на полотне «Философы», где на фоне Сергиева Посада ведут неспешную беседу два выдающихся религиозных мыслителя своего времени — священник Павел Александрович Флоренский и профессор Сергей Николаевич Булгаков. Это 1917 год! Пройдёт совсем немного времени, и Булгакова вышлют из России на «философском пароходе», а отца Павла, не только религиозного философа, но и блестящего инженера, математика, химика, естествоиспытателя, отправят в ГУЛАГ, где он пройдёт свой крестный путь до страшного финала, когда в 1937 году «тройка» НКВД приговорит его к расстрелу...

Последние годы жизни

Подлинным шедевром портретного искусства кисти Нестерова считается «Амазонка» — портрет дочери Ольги. И трудно себе представить, что девушка, которую современники назвали идеалом женственности и «воплощением хрупкости светлых романтических грёз Серебряного века», окажется в Акмолинском лагере, откуда вернётся в 1941 году инвалидом на костылях, а её муж, известный юрист и профессор Виктор Шрётер, будет расстрелян по обвинению в «шпионаже» (посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления).

Сам Михаил Васильевич, отсидевший в Бутырской тюрьме несколько недель, не побоится

«Философы»

хлопотать за второго своего зятя (мужа младшей дочери Наташи) — Михаила Дмитриевича Беляева, литературоведа-пушкиниста, основателя музея-квартиры Пушкина на Мойке. Нестеров писал и писал письма Сталину... Расстрел заменят Беляеву лагерем.

Круг близких людей становился всё уже и уже — кто-то вынужден был отправиться в эмиграцию, кто-то был арестован, кто-то «ликвидирован»... Судьба России отзывалась в сердце острой болью. Война стала тем последним ударом, который художник не выдержал. В 1942 году в Москве, в Боткинской больнице, Нестеров скончался от инсульта. Ему было 80 лет.

Монархисту по убеждениям, Михаилу Васильевичу Нестерову пришлось жить в иной России — не царской. И хотя советская страна высокими регалиями и званиями отметит талант великого художника (заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии первой степени...), но он до самой своей смерти так и не перестанет тосковать по той светлой тишине, которой была наполнена Святая Русь на его лирических полотнах.

«Видение отроку Варфоломею»

эпизод из «Жития преподобного Сергия», написанного его учеником Епифанием Премудрым: отроку Варфоломею (в монашестве — Сергий Радонежский) не давалась грамота. Однажды, когда отец послал его искать пропавших жеребят, под дубом было ему явление монаха-черноризца, помогшему обрести мальчику дар премудрости через Таинство причастия. По преданию, святой старец, взглянув на юного пастушонка, угадал в нём «сосуд избранный».

Это полотно художник будет считать самым лучшим своим произведением: «Жить буду не я. Жить будет «Отрок Варфоломей». Вот если через тридцать,

ражѣнный талантом Михаила Нестерова, пригласил его расписывать Владимирский собор в Киеве. Творческий взлѣт художника только начинался! Ему ещё предстояло сложить живописную эпопею в честь князя Владимира, создать целый пантеон подвижников веры, русской культуры и истории, расписать Марфо-Мариинскую обитель и дворцовую церковь св.Александра Невского в Абастумани (Грузия)... Нестеров ещё не знал, что все его живописные полотна и церковные росписи соединятся в единый жизненный сюжет — «Путь ко Христу».

Чтобы глубже понять духовный мир русских монастырей,

«Амазонка»

Александр ФУРСОВ,
православный философ

Педагогика оптинских старцев

Среди сосновых лесов вблизи города Козельска на речном берегу живёт своей потаённой жизнью монастырь Оптина пустынь. Сегодня, в XXI веке, как и в прошлом – в веке XIX – начале XX, приезжают сюда люди, – с болью, с бедой, с надеждой исправить жизненные ошибки, найти свой, верный путь. Здесь и поныне живёт *дух оптинских старцев* – учителей, воспитателей, наставников тысяч и тысяч людей, обретших здесь верный вектор своего жизненного движения.

Перечитывал как-то Ивана Шмелёва и внезапно остановился на его описании экзотических плодов: «Взгляните на ананас! Какой шишковатый и толстокожий! А под буровой корой его прячется *душистая золотистая мякоть*. А гранат. Его кожура крепка, как подошва, как старая усохшая резина. А внутри притаились *крупные розовые слёзы*, эти *мягкие хрустали*, – его сочные зёрна».

(И. Шмелев «Мой Марс»). В связи с этими шмелевскими строками мне вспомнился эпизод из жизни одного из последних старцев монастыря Оптина пустынь отца Нектария (1883 – 1928). Был момент, когда его духовную дочь, поэтессу Надежду Павлович оставили силы выдерживать причуды старца (пригласит к себе, но не выйдет из кельи или через неё ещё кого-то пригласит и опять не выйдет, а к вечеру выйдет и скажет – мол, давайте на завтра всё перенесём). Она и воскликни: «Долго ли вы, батюшка, будете с меня шкуру драть?» А он ответил: «Какая ты, Наденька, чудачка, вот мне присылают иногда апельсины, так что ж, по-твоему, я их должен в *кожице* есть?» («**Житие иеросхимонаха Нектария**»). В этих отрывках для меня важны слова – *прячется, притаились, душистая мякоть, мягкие хрустали* как определение *внутреннего*. Внутреннее *стыдливо*, потому и *внутри*. Оно *прячется, таится*, ибо до срока своего выглядит некрасиво, ибо в нём ещё не развились все его формы. Нельзя ему выказывать себя, привлекать к себе внимание, ибо оно зародыш. Оно зреет в темноте, в безвестности, в безымянности, ибо зрение, созревание возможно только при таких условиях, в таких обстоятельствах. Так, в сказ-

ке Андерсена гадкий утёнок интуитивно таится в дупле дерева, не ведая, что растёт и превращается в прекрасную белую птицу – лебедя. (Здесь дупло, древесная кора есть кожура плода, а гадкий утёнок – наполняющаяся соком мякоть его).

Как же люди стремятся к известности, как поощряется родителями стремление детей стать известными – и стать как можно раньше, как можно быстрее. И невдомёк им, что этим они нарушают один из основных законов жизни – *закон роста, созревания, «высокой постепенности духовного пути»*, о которой говорил отец Нектарий.

Современные молодые люди хотят иметь всё здесь и сейчас. Незрелые, несоответствующие хотят соответствовать. Они выказывают, выявляют, делают себя заметными для чужих взглядов, участвуя и побеждая в различных конкурсах красоты и силы, в телешоу. Хотя задача совершенно в другом – расти и духовно зреть в тишине, в безвестности, в безымянности. Так зрел холмогорский юноша Ломоносов. Он развивался вне соответствия общепринятым нормам педагогики, но в согласии с собственной природой. Это лично-природное развитие (иначе – зрение) приводит к качественным изменениям – к толчку, к взрыву. (Зреть – вызревать – вызрывать – взрыв.)

Духовная спелость, к которой стремились старцы, достижима, но в великих трудах, в великом понимании нестремления к «свету», скрытости, потаённости, стыдливости растущей жизни. В дворянской России было понятие – «выйти в свет». Девушка до срока цвела в саду своей семьи, под её солнцем, вне чужих глаз. И наступал день её выхода в свет, её блистания, её победы!

Мне хочется сказать о духовном «выходе в свет». Таким было явление миру **глубинного искусства древнерусской иконы** – феномена, зревшего в темноте и безвестности растущего государства. Она сказала нам о том, что и человеческая жизнь должна быть *икона*, т. е. цвести и плодоносить в жёстких «*шишковатых и толстокожих*» рамках законов духовной жизни.

«Смотрите, какая красота – солнце, небо, звёзды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего не было! Ни-че-го. И Бог из ничего создал такую красоту. Так и человек: когда он искренне придёт в сознание того, что он ничто, тогда Бог начнёт творить из него великое». («**Житие иеросхимонаха Нектария**»).

Сами имена старцев – Нектарий, Амвросий (амброзия

– в древнегреческой мифологии пища богов, дававшая им вечную юность и бессмертие) – символичны. Они указывают на главное в их носителе – внутреннее: *сок, нектар, мякоть*. Их слова, советы – что благоухающая нежная мякоть ананаса и апельсина, что сладкие розовые слёзы граната. Старцы входили в общение с людьми, когда достигали своеобразной «духовной спелости». В них уже не было коры, кожуры, кожицы – границы между внешним и внутренним. Они становились *сама мякоть, сам сок, сам нектар, само благоухание*. И растили своих духовных детей до очищающего (счищающего внешнее – кожуру) состояния.

Русский философ Василий Розанов в своём очерке «Оптина пустынь» пишет об одном из духовных чад старца Амвросия (1812–1891) – кабатчике, вино-торговце. Старец не вмешивался в жизнь человека, но «разобравшись в наших собственных обстоятельствах», указывал «из них выход в пределах нашего же собственного пути». «Со стороны старца не было ...никакого вхождения в жадные и хищные интересы мужика. Он их не прощал, но он о них молчал. Он только вошёл в мир (душевный) хищничества и грубости святою статуею, но недвижною; прибавил к сумме жесточайших обстоятельств веяние мудрой и наставительной и кроткой души своей: как бы весеннего ветра, внесённого в обстоятельства зимы... Такими путями, для каждого своим, старец Амвросий возводил мелких и ослабевавших людей всё в гору, всё к лучшему, – и, очевидно, *сам цвёл и жил этим возраставшим благополучием*». (В. Розанов «Оптина пустынь»).

Где настоящая свежесть, там нет места гниению. Где истинный свет, нет места темноте. «Однажды старцу показали икону Преображения Господня, где яркость Фаворского света достигалась контрастом с чёрными узловатыми деревьями на переднем плане. Старец заметил, что там, где Фаворский свет, не остаётся никакой черноты. Это оттого, что «когда загорается этот свет, каждая трещинка на столе светится, а там, где тени, только более слабый свет». («**Житие иеросхимонаха Нектария**»).

Исчезновением границы между внешним и внутренним возможно объяснить прозорливость старца Амвросия: «Корреспонденция старца Амвросия была необъятной. Ежедневно он получал от тридцати до сорока писем. Их раскладывали перед ним на полу, и он своим посохом указывал на те, которые требовали немедлен-

ного ответа. *Часто он знал содержание какого-либо письма ещё до его вскрытия*». (Вл. Лосский «**Старцы Оптиной пустыни**»).

При условиях «духовной спелости» внешнее исчезает, слезает, как кожа с апельсина. Старцы как бы *минуя* внешнее человека и входят в помыслы – во внутреннее. Для старцев, видимо, просто нет, не существует внешнего. Они не судят, не обсуждают человека, не натываются на стену внешности, минуя её. Их правило сродни принципу древнерусского писателя Даниила Заточника: «Не возри на внешняя моя, возри на внутренняя моя». («**Моление**»).

Не попасться на уловки внешнего мира – ещё один закон духовной жизни. Внешнего, зримого как бы нет. Взгляд, как нож масло, пронзает внешнее, не останавливается на нём. Так пассажир не сходит на промежуточных станциях, не останавливается, не задерживается на них. Он минает, пронзает их. Внешнее, облик – это только промежуточная станция. Старцы не задерживаются на нём. Вот почему отцу Амвросию не надо было вскрывать конверты. Он не останавливался на зримом – конвертах. Наш мир – только кожа апельсина, только конверт письма. Для обычного человека зримое – предел, тупик. Для старца же этой точки не существует. Он минает её так, как будто её нет вовсе. Земное говорит ему: обрати внимание – не обращает. Как только я откажусь от влияния внешнего, явится внутреннее, откажусь от вершков – получу корешки.

Земной взор останавливается на внешнем, начинает его осматривать, обсуждать, зачастую посвящает всю жизнь этому обсуждению, а сути не затрагивает. Земной взор обращён к внешнему, к коже. Что говорить о коже?

Впрочем, говорить о ней надо, но в следующем плане. За зримым, земным – зреет незримое, небесное. И пока небесное не вызрело, земное служит ему защитой, охраной, поэтому само земное нуждается в защите. Всё на земле важно, всё необходимо – вещь ли, человек ли – всё служит хранилищем, *воспиталищем* для чего-то нового, свежего. *Кожура* земного мира крепка, как подошва, как старая усохшая резина. А внутри притаились крупные розовые слёзы, эти мягкие хрустали, — его *сочные небесные зёрна*.

«Уже будучи монахом, пришёл Нектарий к старцу Амвросию, а тот спрашивает:

– Как живёшь, как хранишь свою духовную воздвигаешь? – Одно горе, – отвечает, – кирпич заложишь, а два вытащишь, камень вмажешь, а три вывалятся.

Какая это постройка, мусор один. Впору плакать.

И тогда старец Амвросий рассказал отцу Нектария про барыню, во время болезни которой челядь весь мусор вывалила посреди двора в кучу. Когда же барыня выздоровела, велела всю кучу разобрать, и выяснилось, что почти ничего выбрасывать и не надо — все пригодилось в хозяйстве.

— Видишь, братец, — утешил старец, — и тебе о твоём мусоре нечего отчаиваться. *Посмотришь на тебя — мусор мусором, а начнёшь тебя разбирать, тоже что-нибудь гожее отберётся*. («Житие иеросхимонаха Нектария»).

Каким восхитительным предстаёт перед тобой мир во всех его проявлениях — цветении и увядании, радости и горе, жизни и смерти, когда ты познаешь ещё один из духовных законов — охранительный, предохранительный, защищающий. Не случайно в словах *о-тче, о-течество* начальная буква *о* указывает на окружение, защиту. (От древнерусского *оточити* — окружить).

Земное ведёт себя по правилу — обрати на меня внимание. Всё делает для того, чтобы ты обратил внимание. Всё хочет обратить тебя в себя, в свою веру. Верь, мол, в меня. Но нельзя верить в кожуру, ибо не увидишь мякоть.

Внешнее — это охрана, не заметь его, и оно тебя не заметит. Старцы не презирали мирское, земное, но в нужные моменты не замечали, миновали, пронзали его.

«Первое послушание, которое дали в скиту Николаю Тихонову (мирское имя о. Нектария — А.Ф.) — уход за цветами. Порой ему приходилось выходить из скита в монастырь и под большие праздники вместе с шамординскими монахинями плести венки на иконы. При этом, как вспоминали сестры, молодой послушник часто краснел и старался не поднимать на них глаза. Ревностный ученик великих старцев «хранил зрение», чтобы достигнуть евангельской чистоты». («Житие иеросхимонаха Нектария»).

Вы, конечно, хотите ещё насладиться благоухающей спелостью духовной мудрости старцев. Вкушайте!

«В монастырской гостинице, где помещались паломники и посетители, каждый платил сколько хотел, опуская деньги в кружку. Один богатый купец сказал отцу Моисею (1782 — 1862), что он, таким образом, принимает множество людей, которые за своё проживание в монастыре ничего не вносят. «Если и 99 ничего не заплатят, так Бог пошлёт сотого, который за всех вознаградит».

«Мы, скудоумные, думая устроить своё состояние, печалимся, суемимся, лишаем себя покоя, исполняем оставление долга веры за суетами, для того, чтобы оставить детям хорошее имение. Но знаем ли мы, послужит ли оно им пользою? Не видим ли детей, оставшихся с богатством, но глупому сыну не в помощь богатство — и оно только послужило им поводом к худой нравственности. Надобно пецися оставить детям добрый пример своей жизни...». (о. Макарий, 1788 — 1860).

«Уча, что в духовной жизни нельзя пренебрегать и маловажными обстоятельствами, старец Амвросий иногда говорил: «От грошевой свечи Москва сгорела».

«Батюшка Амвросий говорил: «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, только чуть одной точкой касается земли, а остальными непрерывно вверх стремится; а мы, как заляжем на землю, и встать не можем».

«Все обстоятельства жизни, как бы ни казались они ничтожны, имеют огромное значение. Смысл настоящей жизни мы вполне поймём в будущем веке. Как осмотительно надо относиться к ней, а мы перелистываем нашу жизнь, как книгу — лист за листом, не отдавая себе отчёта в том, что там написано. (о. Варсонофий, 1845—1913).

«Будет шторм, и русский корабль будет разбит. Да, это будет, но ведь и на щепках и обломках люди спасаются... И будет после шторма штиль. И все щепки и обломки соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе, и пойдёт своим курсом». (о. Анатолий, 1855—1922).

«Всегда помните закон духовной жизни: если смутишься каким-либо недостатком другого человека и осудишь его, впоследствии тебя постигнет та же участь, и ты будешь страдать тем же недостатком», (о. Никон, 1888—1931).

Отечественной педагогике вряд ли возможно обновить себя, найти в себе самой свежесть, если она не обратится к *духовно-педагогическому опыту оптинских старцев*. Но для этого ей нужно духовно понудить себя к сближению с этим опытом, к проникновению в него. Взрастить в себе понимание необходимости этого проникновения — чтобы было чем в него проникнуть, чем его зачерпнуть.

«Вот если подан обед, и вы хотите покушать, и обоняете вкусный запах, всё-таки сама ложка вам не поднесёт кушанья. Нужно понудить себя, встать, подойти, взять ложку и тогда уже кушать». (о. Нектарий).

Православие и мир

УСПЕНСКОМУ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМУ МОНАСТЫРЮ - 550 ЛЕТ

Негасимый светильник Православной веры

Успенский Псково-Печерский монастырь — один из самых известных мужских монастырей с многовековой историей. Общепризнанной исторической датой его основания считается 1473 год, когда освящена была выкопанная в песчаном холме у ручья Каменца преподобным Ионой Успенская церковь. Преподобный Иона — непосредственный основатель обители. Ранее он, нося в миру имя Иоанн, был священником в Георгиевском храме Юрьева-Ливонского (ныне город Тарту). Прозван был Шестником, то есть «пришельцем», потому что в Ливонию пришёл как миссионер. Родом происходил из московских пределов. В то время православный люд подвергался там жестоким гонениям со стороны немцев-латинян, поэтому о.Иоанн, опасаясь за жизнь своей семьи, вместе с женой Марией и детьми покинул Юрьев, решив обосноваться во Пскове. Здесь-то он впервые и услышал о «Богом зданной пещере». Вблизи святого места они и поселились. Постройка пещерного храма ещё не была завершена, когда его супруга тяжело заболела. Почувствовав приближение смерти, Мария приняла монашеский постриг с именем

Васса, став таким образом первой постриженницей обители.

По смерти супруги Иоанн и сам принял иноческий образ с именем Иона. Как и преподобная Васса, он также причислен к лику Псково-Печерских преподобных.

Преемник преподобного Ионы иеромонах Мисаил возвёл на горе келии и храм, но вскоре монастырь подвергся нападению лифляндцев. Деревянные постройки были сожжены, имущество разграблено. Иноземные завоеватели многократно пытались стереть обитель с лица земли, так как видели в ней оплот

Православия и русского влияния на близ живущее население балтийских племён (эстов и сету), но Промыслом Божиим она осталась жить. Через полвека, при игумене Дорофее, обитель поднялась и расцвела.

В 1521 году монастырь обрёл чудотворную икону Успения Богоматери с житийными клеймами. В этот период обитель переместилась с горы вниз, в долину Каменца, келии были поставлены против Успенского храма.

К концу 20-х годов XVI века, при игумене Герасиме, упорядочилась внутренняя жизнь обители: игумен

составил общежительный устав по образцу Киево-Печерского, учредил чин церковной службы по преданию древних монастырей, постановив, чтобы богослужение совершалось ежедневно в Успенском соборе. И сегодня свято хранит монастырь древние традиции, соблюдая строгий общежительный устав.

Настоящий расцвет обители связан с именем преподобномученика Корнилия. Ревность Игумена простиралась до того, что он принимал личное участие во всяком монастырском делании. Весть о святой обители быстро разлетелась по всему миру — и некогда «убогое место» стало пополняться «богатыми приношениями». Но шли они не только на нужды обители. Монастырские расходные книги сохранили сведения о материальной помощи, которую монахи постоянно оказывали беженцам во время многочисленных войн. За счёт монастырской казны в окрестных селениях восстанавливались разрушенные войной жилища, а во время перемирий монастырь выкупал у захватчиков русских военнопленных.

Дела игумена были образцом любви к Богу и человеку. Жизнь преподобного Корнилия увенча-

лась мученическим венцом. Но Господь благословил его труды – слава Божия перешла в века, а память о преподобном осталась в сердцах православных. Митрополит Таллинский и всея Эстонии Корнилий, ныне приснопоминаемый глава самоуправляемой Эстонской Православной Церкви, ежегодно приезжал на День памяти преподобномученика Корнилия в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. С этой обителью многое связывало Владыку: в 1943 году экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский) направил его, 19-летнего псаломщика Вячеслава Якобса, в Печоры (до 1920 года – Печеры), в монастырь, где тот и прожил некоторое время на послушании. Здесь же, 21 августа 1990 года был пострижен в монашество с именем Корнилий. Духовно окормлял его архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Митрополит Корнилий сказал о святой обители так: «Мы черпаем от русской святости! Когда наши паломники из Эстонии бывают в Псково-Печерском монастыре, то всегда вдохновляются и религиозным чувством, и молитвенностью верующих».

Страницы истории

В начале XVII века монастырь пережил множество нападений шведских, литовских и польских завоевателей, которые бесчинствовали на западных его рубежах, пользуясь внутренними трудностями Русского государства.

В 1701 году Пётр I повелел обнести монастырь земляным валом и глубоким, наполненным водой рвом (остатки земляных укреплений Петровской эпохи сохранились до наших дней). На важнейших пунктах соорудили 5 бастионов. На главной крепостной Никольской башне был установлен государственный герб.

В 1703 году, благодаря новым

укреплениям, маленькому отряду под командованием воеводы Ивана Назимова удалось отбить нападение двухтысячного войска шведов. Это было последнее сражение у стен монастыря. Ништадтский мир (1721 г.) отодвинул границу страны на запад и положил конец оборонной миссии Псково-Печерского монастыря.

В 1812 году наполеоновские войска заняли Полоцк. Угроза оккупации нависла и над Псковом. В город принесли из монастыря иконы Божией Матери «Успение» и «Умиление», хоругвь с изображением Спаса Нерукотворного. 7 октября был совершён крестный ход с чудотворными святынями. В тот же день Полоцк был отбит у неприятеля. По инициативе героя войны генерал-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна в Печерской обители был воздвигнут храм в честь Святого Архистратига Божия Михаила (1815-1827 г.г.).

Новые испытания

Во время Великой Отечественной войны, в июне 1941 года, когда в Печорах хозяйничали немцы, монастырь подчинялся Таллинскому митрополиту Александру (Паулу) и Экзарху Прибалтики митрополиту Сергию (Воскресенскому). Псково-Печерская обитель была по договору 1922 года отнесена к буржуазной Эстонии и оставалась там вплоть до 1940 года – это и спасло её от всеобщего разорения и осквернения.

В монастыре в течение 1941 года произошли перемены: Архимандрит Парфений ушёл на покой по старости, хотя всё ещё продолжал нести послушание эконома. Все испытания, связанные с оккупацией, тяжелейшим бременем легли на плечи игумена Павла (Горшкова), бывшего тоже в преклонных летах. Братия не случайно выбрала его своим заместителем. Благодаря

его мудрости сохранилась во время войны эта обитель со всеми её святынями и ценностями, сохранилась и сама братия. Уповаю на милость Божию, игумен организовывал продовольственную помощь пленным, больным и престарелым, укреплял веру людей. По наветам провокаторов, после освобождения Печор, настоятель монастыря был арестован и осуждён на 15 лет. Он скончался в тюремной больнице в возрасте 80 лет. Многие годы туристам, посещавшим монастырь, рассказывали о его мнимом сотрудничестве с гитлеровцами. И лишь спустя 52 года его реабилитировали. Игумен Павел, понимавший человеческие страдания сердцем, никогда не служил политическим силам, а оставался всегда с Богом – это было и есть главное для православного человека.

Огонь служения

Духовными подвигами насельников монастыря не оскудевала и милость Божия.

В послевоенные годы заботы о монастырском хозяйстве пришлось на долю архимандрита Пимена, заместителя обители с 1949 по 1954 г.г., впоследствии ставшего Патриархом Московским и всея Руси. Его труды были продолжены архимандритом Алипием (1959-1975 г.г.). Путь старчества – это подвиг служения Богу и ближнему, соединяющий в себе отеческую любовь и строгость, с особой силой призывающий всех и к слезам покаяния, и к стяжанию христианских добродетелей. Во всё время существования обители в ней не гас огонь старческого служения. Паломники, приходившие в монастырь за духовным утешением, находили его в беседах со старцами. Господь вёл плачущих к иеросхимонаху Феодосию, иеросхимонаху Симеону (Желнину), который в 2003 году был прославлен в лике святых, схиархимандриту

Агапию (Агапову), схиархимандриту Пимену (Гавриленко) и др.

После Великой Отечественной войны в Псково-Печерскую обитель приехали старцы с Валаама, перед войной перевезённые со святого острова в Финляндию. Иеросхимонахи Михаил (Питкевич), Лука (Земсков) и многие другие старцы были как бы духовным мостом, соединяющим Старый Валаам и святую Печерскую обитель. В обители провёл последние годы жизни митрополит Вениамин (Федченков). Святая обитель благоукрашалась и процветала трудами заместителей – архимандрита Гавриила (Стеблукенко), архимандрита Павла (Пономарева), архимандрита Романа (Жеребцова), архимандрита Тихона (Секретарева), архимандрита Тихона (Шевкунова). Всей духовной, просветительской деятельностью монастыря сегодня руководит Высокопреосвященнейший Тихон, митрополит Псковский и Порховский, священноархимандрит Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря с Духовным Собором старцев. Об особом значении духовного руководства в христианской жизни свидетельствовал ещё святитель Василий Великий: «У добрых учителей и уроки добрые».

Бережно сохраняются в обители её многовековые традиции. В монастыре по милости Божией не угасают светильники истинного благочестия, примером для которых служат уже почившие архимандриты: о. Иоанн (Крестьянкин), о. Адриан (Кирсанов), о. Феофан (Моляк), о. Нафанаил (Поспелов), схиархимандрит Александр (Васильев) – дивные старцы, которых ныне знает весь православный мир. В духоносных старцах Псково-Печерской обители открылось истинное благодатное сердце русского монашества и пастырства.

Подготовила Ольга Майер

Мир, созданный Творцом

Фотографии А.Базанова, С.Маркина, С.Жданова

Василий Акимович Никифоров-Волгин (1901-1941) - писатель, журналист. В русских периодических изданиях, выходивших в Эстонии, опубликованы рассказы, статьи, очерки, этюды, лирические миниатюры, которые подписаны псевдонимом – Василий Волгин. Первой публикацией Никифорова-Волгина стала статья «Исполните свой долг!» (1921) в таллинской газете «Последние известия», где автор призвал проявить заботу о могилах воинов-белогвардейцев Северо-Западной армии.

В Таллине Василий Никифоров преуспевал не только в литературной, но и в педагогической деятельности: среди его школьных учеников — Алексей Ридигер, будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Никифоров-Волгин был арестован в Эстонии органами НКВД 24 мая 1941 года, а с началом войны отправлен по этапу в Киров, где расстрелян 14 декабря 1941 года «за издание книг, брошюр и пьес клеветнического, антисоветского содержания». В 1991 году реабилитирован.

Вериги

(быль)

Предгрозовой июньской ночью иеромонах Македонии обходил шестисотлетние стены Печерского Успенского монастыря.

Вратарь отбивал в старинное било ночные часы. К дрожащим, суровым звукам била откликнулся колокол Печерской звонницы, и за ним густо и важно провели часы Свято-Никольской церкви.

Над золотыми куполами собора висели тучи с медными отсветами. По земле извивался сухой ветер, шумели старые монастырские дубы. Иеромонах Македонии дошел до монастырских врат, где, по преданию, был обезглавлен Иваном Грозным преподобный игумен Корнилий. Македонию вспомнились слова из одной ветхой монашеской летописи: «По умерщвлении Корнилия преподобного, падоша Иване царь на хладные мощи его, и зело плакася горько». Повторял эти слова и вздыхал.

Около врат стоял человек на коленях. Шаги монаха испугали его. Он встал с колен и хотел броситься бежать.

Монах остановил его и успокоил. — Вы издали? — спросил он.

Пристально взглядевшись в тихие сострадательные глаза монаха, незнакомый шёпотом ответил:

— Я тайком пришёл из России!..

— Горе, наверное, большое заставило вас прийти сюда?

— На душе у меня страшный несмыаемый грех! — с отчаянием выкрикнул он, закрыв лицо руками. — Бог оставил меня! Перекрести меня! Страшно мне!

Иеромонах перекрестил его и усадил на камень, рядом с собою.

Пробили монастырские часы. Когда угас в воздухе их ночной перезвон, человек робко и растерянно, в бессвязных словах, рассказал страшную повесть о себе.

— Это было в 1918 году. Я служил в Красной армии. Пьяными мы ворвались в этот монастырь. Перед этим мы расстреляли у монастырских стен двух печерских жителей. Со свистом, руганью и песнями мы взломали церковные двери и в шапках, с папиросами в зубах ворвались в храм искать сокровища. Что мы

в храме ни делали, — подумать теперь страшно! Плевались, пели песни, хохотали...

Никаких сокровищ мы не нашли. Пошли в пещеры, где ваши иноки упокоиваются. Могильные плиты штыками да прикладами вскрывали, — все думали, что монахи свои драгоценности в гробы попрятали! Много монашеских гробов раскрыли, осквернили и разрушили. Ничего не нашли...

Взяла меня злоба, что мы ничего здесь не нашли, и в злобе своей я штыком ударил в череп монаха, лежащего во гробе.

Стали мы выходить из пещер. Перед тем как выйти, я почему-то оглянулся назад и увидел, как над чьим-то гробом светилась синенькая лампадка... Своды, мрак, переходы и этот синий огонь над гробом! ...Взглянул я на эту лампадку и обуял меня такой страх, что я закричал и как безумный убежал из пещеры. С этих пор, вот уже десять лет я не нахожу успокоения. Каждую ночь вижу монаха с проколотым черепом, и всюду, куда

ни посмотрю, синие лампы перед глазами...

...Чтобы загладить окаянство моё, я стал изнурять своё тело. Вот, цпосмотрите... ».

Человек расстегнул рубашку и показал монаху железные вериги.

«Совість погнала меня из России... сюда... монастырским стенам поклониться и попросить прощения у святых угодников. Услышит ли меня Бог? Простит ли меня, окаянного зверя?»

Человек умолк и расплакался.

На прощание он попросил перекрестить его. Иеромонах перекрестил, и рука его коснулась железных вериг.

Долго смотрел ему вслед и думал о таинственных жутких путях русской души, о величайших падениях её и величайших восстаниях, — России разбойной и России веригонной.

Грозовые тучи прошли стороной. Далеко-далеко перекачивался гром, и в том направлении, где лежала Россия, вспыхивали молнии.

Григорий БОРИСОВ,
иерей,
Таллин

Спасительный опыт болезни

нуждающееся в немедленном преодолении, исправлении, несовместимое с понятием о полноценной, исполненной смысла жизнью.

Однако совершенно иное отношение к болезни мы встречаем в Христианстве: один из современных православных богословов говорит о том, что болезнь — это послание, которое «часто играет в жизни человека решающую роль. Это можно объяснить тем, что болезнь практически всегда ставит под вопрос главные принципы, основы и характер нашего бытия, его гармоничность, контроль над нашими физическими и умственными способностями, привычную систему ценностей, взаимоотношения с окружающими и в конце концов саму нашу жизнь, поскольку именно во время болезни мы чаще всего думаем о смерти» (Жан-Клод Ларше «Болезнь в свете православного вероучения»).

Несмотря на всю непривычность для нас подобного подхода к заболеваниям, его можно назвать подлинно святоотеческим — в частности, преподобный Серафим Саровский говорит: «Если мы подвер-

жены болезням, то это для нашего же блага... поскольку в немощи и скорбях мы находим лекарство от гордыни, порождённой нашей общей расслабленностью» («Духовные наставления»). А преподобный Иоанн Златоуст пишет о том, что «не для унижения нашего Господь попускает болезнь, но потому, что Он хочет сделать нас лучше, мудрее и послушнее Его воле, что и есть основа спасения». Эти и многие другие размышления Святых отцов доносят до нас простую мысль: болезнь является средством достижения нами спасения и врачевания духовных недугов. Ещё раз, более отчётливо, чтобы нам осознать эту простую христианскую мысль: болезнь физическая врачует болезни духовные.

Каким же образом это происходит? Прежде всего, болезнь отвращает нас от делания греха: апостол Пётр говорит о том, что «страдающий плотью перестаёт грешить» (1 Пет 4:1), преподобный Исаак Сирийский — о том, что «скорби уничтожают наслаждение страстей». Также, в определённой степени, болезни плоти могут стать своего рода

аскетической практикой и даже заменить её (именно поэтому по установившейся церковной практике пост телесный отменяется для болящих): «Пост и земные поклоны предписаны нам против наслаждений. Если же болезнь убавляет наслаждения, то соблюдение таких практик излишне» (св. Синклитикия «Апофтегмы (изречения)»). Из положительных следствий заболеваний для нашего духовного роста Святые отцы отмечают и возникающее в нас смирение, стремление к молитве, стремление к покаянию, возрастание болящего в добродетели терпения. На последнем, пожалуй, стоит остановиться подробнее, поскольку именно в состоянии болезни человек имеет возможность достичь терпения в наибольшей степени — а насколько ценна данная добродетель, мы можем узнать из толкования преподобного Григория Синаита на слова Спасителя «в терпении вашем стяжите души ваши» (Лк. 21:19): «не сказал: в посте вашем, или в бдении вашем. Терпение же я разумею то, которое бывает по Богу, и есть царица добродетелей и основание муже-

ственных доблестей. ... Кто стяжал его во Христе Иисусе, тому не могут вредить ни оружия, ни копья, ни воинства напускаемые, ни самое полчище бесов, ни фаланги сопротивных сил». Также и святитель Иоанн Златоуст весьма высоко ставит данную добродетель, говоря: «болезнь есть самое невыносимое из всех зол, перенося её, мы проявляем истинное терпение».

Изложенные выше размышления могут навести нас на мысль о сотворении болезней Самим Богом с целью, скажем так, регулирования человечества на его превратных жизненных путях. Но болезнь как явление стала следствием грехопадения человека: «Злоупотребление свободой воли обрекло Адама на страдания, брэнность и смерть» (преподобный Максим Исповедник «Вопросоответы к Фалассию»). Отвращение и уход человечества в лице прародителей от Источника Жизни стало причиной существования в нас немощей, страданий, болезней и смерти. Но даже сии прискорбные следствия вселенской катастрофы на заре человеческой истории Господь с помощью Промысла Своего премудрым образом обращает на

благо падшему созданию: «всякому добру вспомоществует, а возникающее чрез удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям» (протоиерей Олег Давыденков «Догматическое богословие»).

Но давайте вернёмся к благам нашей духовной жизни, которые становятся возможными, благодаря болезни. Упомянутые терпение, смирение, раскаяние в грехах, покаяние приходят в нашу жизнь не «автоматически», но зависят от нашей воли, понимания происходящего, дальнейших действий. Таким образом, наша реакция на диагноз и дальнейшее отношение к заболеванию имеют самое принципиальное значение – лишь от самого человека зависит, приобретёт ли он в болезни те самые молитву, терпение и прочие добродетели, или умножит свои грехи посредством ропота, зависти, отчаяния, недовольства. От этого во многом зависит и само исцеление от болезни – ведь если Господь попускает её ради нашего духовного здоровья, то именно наше изменение внутреннего состояния, наш переход от греха к добродетели в максимальной сте-

пени может поспособствовать физическому выздоровлению.

Вообще, исцеление от физических болезней в современном мире мыслится как исправление «поломки» организма – в теле человека есть различные системы, какая-то из них начинает функционировать неправильно, мы с помощью фармацевтики, упражнений, физиотерапии, хирургии и прочих медицинских средств стараемся её исправить. К сожалению, зачастую и люди верующие исповедуют подобный подход в борьбе с недугами своего тела, совершенно забывая и о собственной роли в исцелении, и, что самое страшное – об истинном Целителе наших душ и телес. Господь Иисус Христос и при Своей земной жизни совершал многочисленные исцеления (великолепный анализ данных евангельских эпизодов можно встретить у митрополита Илариона (Алфеева) в книге 3 серии «Иисус Христос. Жизнь и учение»), никогда не оставаясь равнодушным к мольбам и просьбам окружающих Его. Но и после Своего вознесения Он не оставил нас без помощи, которую каждый крещёный человек может получить в Таинствах Церк-

ви – Елеосвящении (Соборовании), Покаянии, Причастии. Не будем забывать, что мы причащаемся «во исцеление души и ТЕЛА», и что в период болезни мы должны прежде всего искать именно этого благодатного Лекарства! Но ни в коем случае, братия и сестры, не должны мы пренебрегать медицинскими средствами исцеления, доступными в наш технологически развитый век (подробнее см: «Основы социальной концепции РПЦ», глава XI).

Безусловно, столь животрепещущая и обширная тема как болезни, исцеление от них, здоровье духовное и телесное нуждается в более подробном осмыслении и выходит за рамки данной небольшой статьи, но, надеемся, что определённые вещи станут более понятны после её прочтения. Если вы хотели бы больше узнать о христианском отношении к заболеваниям и благодатным путям исцеления от них, то хотелось бы порекомендовать к прочтению замечательный труд православного богослова Жана-Клода Ларше «Болезнь в свете православного вероучения», который доступен в электронном виде на сайте «Азбука веры».

Православная педагогика отводит христианской семье особое место. Родители всегда стараются помочь во всём своим детям: советуют, оберегают, запрещают... Их помощь – это проявление жертвенной любви или навязывание своей воли?! Об этом рассуждает в цикле своих публикаций священник Павел Сержантов, кандидат философских наук по специальности философская антропология, религиоведение.

Воля родителей в судьбе детей

Есть огромная разница между «помочь детям» и «сделать вместо них, потому что так лучше». Есть большая разница между «откликнуться на просьбу детей о помощи», «деликатно предложить свою помощь» и «навязать помощь».

Навязанная помощь внешне может выглядеть замечательно – как проявление заботы и жертвенной любви: «Я не дожидаясь, пока дочь попросит меня. Вижу проблему – решаю её без лишних разговоров». Это на первый взгляд. При ближайшем рассмотрении родительская позиция выглядит иначе: «Я не жду от дочери просьбы, потому что лучше её знаю, что ей нужно». Даже если это знание детских потребностей было, со временем люди меняются, и наши отношения меняются тоже. Если этого не происходит, отношения портятся, рвутся.

Когда мы понимаем, что грешим гиперопекой, нам приходится себя сдерживать: «Я приехал в дом взрослых детей. Это территория молодой семьи, я в гостях. У них я воздержусь “порядок в доме наводить”. В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Помимо избыточной заботливости встречается и противоположная крайность – недостаток заботы о детях. Что тут делать, понятно: родители активизируются, вникают в жизнь детей, не уклоняются от своих родительских обязанностей

под предлогом «дочери 25 лет, я в её годы решал свои проблемы сам». Каждая молодая семья нуждается в родительской поддержке – в той или иной мере.

Некоторые избыточно заботливые родители считают, что, хотя дети взрослые, их надо постоянно консультировать и контролировать. К чему приводит такая стратегия? Взрослым детям дипломатично внушают, как они нехотели создать семью и неудачно выстраивают отношения за пределами родительского дома. Подобные внушения, непрошенные вмешательства разрушают благословенный брак и не имеют ничего общего с родительской помощью детям.

В этом случае полезно аскетическое правило: «Давайте совет, только когда его спрашивают или когда посоветовать – ваша обязанность. Не ходите, раздавая направо и налево бесплатные советы...».

Если дочь сама хочет посоветоваться с мамой о своих конфликтах с мужем, то мама может со вниманием, неравнодушно, молитвенно выслушать дочь (иногда этого достаточно). Если дочь задаст вопросы, то мама пусть осторожно высказывает своё мнение, воздерживаясь от греха – от того, чтобы настраивать жену против мужа. А если дочь не хочет советоваться? Сверхзаботливая мама не должна раздавать свои советы, воспринимая их как своё

право и обязанность. И нельзя считать неблагодарностью слова дочери: «Мама, мы взрослые люди, сами разберёмся». От матери требуется не навязывать своё мнение. Родители именно помогают взрослым детям, не командуют ими, оберегают их право на самостоятельность.

Тот же принцип сохраняется, когда рождаются внуки. Не будем оказывать медвежьих услуг внучке, не будем подрывать авторитет её родителей, внушать ей с хитренькой улыбкой: «Да мало ли что твоя мама сказала... Ты меня лучше слушай, я твоей маме – мама». Да, когда-то мама была маленькой и слушалась бабушку, но прошли десятилетия. Теперь к бабушке мама почтительно прислушивается. Ребёнка воспитывают мама с папой вместе, бабушка с их согласия – помогает, не более того. Бабушка не пытается вернуть себе позицию старшинства. Старший в новой семье – папа, за ним идёт мама. Дедушки и бабушки занимают очень важное, почётное положение в жизни папы и мамы, но не управляют их семьёй.

У каждого из нас свои обязанности, свой крест. Одно дело – отцовский крест главы семьи и крест матери, другое – крест бабушки.

Весьма деликатен в семейных вопросах был старец Иоанн (Крестьянкин), он правом старшинства не злоупотреблял. Протоиерей Серафим Правдолюбов вспоминает:

«В обсуждениях того или иного обстоятельства, с которым мы обращались к нему, часто слышали: “Я скажу только после того, как узнаю, каково к этому вопросу родительское отношение”. Отец Иоанн высоко ценил волю родителей в судьбе детей». Старец Иоанн верил, что Бог помогает верующим родителям – даёт уникальное знание судьбы детей.

В духовном воспитании детей участвуют не только родители. Многих из нас именно бабушки приобщали к церковной жизни. Помню, жил я летом с бабушкой на даче, там она меня научила молитве «Богородице Дево, радуйся». Первая молитва в моей жизни! По возвращении в Москву бабушка привела меня на службу. Кажется, был 1981 год. Никаких подробностей службы не помню. Но в церкви мне понравилось, было таинственно... Для меня это первые, благодатные впечатления о храме. Царствие Небесное тебе, бабушка! – ты своё дело сделала.

Православный человек – не тот, кого православные родители окрестили в детстве. Мы становимся православными, если мы воспитали своих детей в вере и наши внуки – православные. В этом случае мы становимся звеном в вековой цепи церковной жизни: мы получили от предков и передали потомкам духовное преемство, традицию.

Бывает вера живая, зрячая, бывает и нет. Бывает любовь слепая, в том числе любовь к внукам. Это когда внуков балуют – из любви. А любовь должна быть требовательной! Избалованный малыш превратится в тирана семьи. Станет несчастным человеком, потому что за пределами семьи его баловать не будут.

Любовь к детям проявляется не через потакание. Об этом хорошо

говорит митрополит Антоний: «В первую очередь христианская семья должна быть счастливой. Это не значит, что надо потакать друг другу во всем, но если Бог приходит к двум-трем-четырем людям, Он приносит счастье, а не разбитость».

Кому-то может казаться, что мы ушли от вопросов духовного характера в сторону. Нет. В жизни много сторон, они связаны между собой.

Даже те стороны, которые вроде бы далеки от духовности, влияют на нашу вечную судьбу. Вслушаемся в слова из письма святителя Феофана Затворника одной семейной женщине: «Вы – жена, мать, хозяйка; обязанности, сюда относящиеся, – ваше спасение».

Спасение! Святитель не преуменьшает: наши заботы о семье, хлопоты по дому имеют духовную значи-

мость, их можно поднять, возвысить до уровня спасительного подвига.

Каждый из нас способен поразмышлять и перечислить разные стороны своей жизни. И задать себе вопрос: «Чего Бог ждёт от меня в каждой из этих сторон моей жизни? Что я обязан делать сегодня и в ближайшие дни, к примеру, как муж, как отец, как дед, как хозяин, как преподаватель?..»

Гали Мэй Лукас вместе с Каролиной Хинц создали скульптуру «Зависимость», которая, находясь в Амстердаме, напоминает всему миру о «болезни» XXI века - одержимости технологиями и гаджетами. О болезни, выходящей из-под контроля и влияющей на жизнь человека и его отношения с близкими людьми, предупреждает психолог Е.Бурмистрова.

Дофаминовая ловушка

Зависимость от гаджетов и интернет-зависимость внесены в международный реестр заболеваний как нехимическая адреналиновая зависимость. Предмет, вызывающий зависимость, даёт выплеск адреналина и положительных эмоций. Играя в игру или просматривая соцсети, ребёнок или взрослый получает дозу дофамина, всплеск радости, и быстро привыкает к этому. Особенно это опасно в моменты критические, когда других источников удовольствия нет, тогда риск возникновения зависимости возрастает. Обычный родитель этого не понимает. Как это выглядит на практике — вы включаете ребёнку мультимедиа и договариваетесь: «Ты смотришь две серии и выключаешь». Ребёнок в 4–5 лет такое условие понимает, он уже умеет посчитать, но в момент, когда вы будете выключать телевизор, он все равно будет протестовать и злиться, просить ещё. Это уже дофаминовая ловушка, ему от мультимедиа интересно, радостно, он получает положительные эмоции. Если родители не понимают механизма, они начинают предпринимать неверные действия — либо полностью всё запрещать, либо идти у ребёнка на поводу, лишь бы не плакал. Это как со сладким — чем больше ешь, тем больше хочется, а потом — плохо. Чем больше стимулов, тем больше требований. Ребёнок становится перевозбуждённым и ничем другим больше не может себя занимать. Одна из проблем с зависимостью от гаджетов — это то, что все остальные впечатления, кроме тех, что на экране, более бледные. Ребёнок требует, родители, бабушки и няни соглашаются...

замер, мама может зайти в душ, просто чай попить, и ей хорошо. А ребёнку хорошо с гаджетом. Зависимость возникает быстро, а уходит медленно. Возникнуть может за неделю — вот вы отдали ребёнка бабушке, и он вернулся с зависимостью, а отвыкать вы будете месяц. Все адреналиновые зависимости такие.

Я убеждена, что Интернет никуда не денется, он необходим. Создать стерильную ситуацию, когда всё нельзя, — это не выход. Вообще не включать мультимедиа — плохо, ведь есть шедевры среди мультипликации и кино. Ребёнок тогда с ними и не познакомится. Поэтому нужно не запрещать, а постепенно формировать иммунитет — некие фильтры, когда ребёнок умеет с опасностью самостоятельно справляться. Гаджеты — это и опасность, и возможность развиваться одновременно.

Следует помнить о том, что ребёнок в семье живёт, и он не слушает то, что мы говорим, он смотрит на то, что мы делаем. Если кто-то в семье имеет зависимость, то ребёнку сложно объяснить, почему это плохо. Это необходимо объяснять без осуждения. Но ту же ситуацию у отца семейства объяснить сложнее. Если вы хотите ребёнка без зависимости, то надо, чтобы и у взрослых членов семьи её не было. Тогда все получается легко. Вся семья считает ценным время, проведённое

не в гаджетах, а за семейным чаепитием и доброй беседой.

Бойтесь номофобии

Сейчас вы зайдёте в кафе и увидите, что там парень и девушка, и оба в гаджетах — у них свидание такое. Или компания молодёжи — они вроде общаются, но каждый в своём телефоне. Если вы так не хотите, нужен так называемый «диджитал детокс». Это одна из основных техник борьбы с зависимостью. Идея очень простая. Вы договариваетесь, что какое-то время проводите без гаджета. Это непросто, даже неприятно, потому что в этот момент можно вывести свою зависимость на чистую воду, увидеть, что ваша рука тянется за телефоном, а вы-то его дома оставили, так и хочется проверить мессенджер, а вы договорились 40 минут не брать в руки мобильный телефон. Есть

ещё одна штука, которая внесена в реестр заболеваний как нарушение — номофобия — страх остаться без связи, что-то пропустить. Я всем предлагаю проверить — есть ли она у вас. Берите с собой кнопочный телефон. Или посчитайте и запишите, сколько раз в день вы проверяете мессенджеры, соцсети. Вам поставили лайк, и вы проверяете это не два раза в день, а 42...

Родители – живой пример

Дети нас копируют, нельзя ребёнка запрещать, если вы живой пример обратного. Нужно думать, что вы можете в вашей семье перестроить системно и насколько резко. Потому что обычно «можно-можно-можно», а потом маму это достало, и она резко забирает у ребёнка гаджет — «все, не отдаю неделю». А потом отдаёт. И это непоследовательно. Мой подход в том, чтобы начиная с 7 лет, когда у ребёнка уже есть гаджет, контролировать время его использования. А с 12–14 лет передавать ребёнку это на самоконтроль. Потому что, если вы будете контролировать подростка, вы столкнётесь с сопротивлением, потеряете с ним контакт. В идеале он должен сказать — «сейчас я сделаю уроки, отложу гаджет и потом буду общаться». Очень часто погрязают в гаджетах дети одинокие, которые стремятся уйти от реальности. Если проблема уже возникла, то выясните, на чем зависимость базируется. Никогда у ребёнка она не бывает сама по себе. Либо это сомнения в себе, либо неуверенность, отсутствие внимания радостей и интересов в реальной жизни. Начинайте выстраивать иммунитет. И главное — это не портить отношения с ребёнком, понимая, что он не отвечает за свою зависимость, он с вами вместе должен понять механизм её возникновения. Тогда он вам сам сможет сказать: «Мам, да у тебя зависимость, телефон-то отложи!»

СЧЁТ ДЛЯ ПЕРЕЧИСЛЕНИЙ:

SEB Pank AS
MPE Oigeusu Kirik
EE55101022022097221
с пометкой «Pravoslavnoi sobesednik»

ГАЗЕТА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ
БЕСПЛАТНО ЧЕРЕЗ ПРИХОДЫ
ЭСТОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

Протоиерей Леонтий Морозкин – заместитель
главного редактора и церковный цензор
Ольга Майер – литературный редактор
Роман Алпатов – поверенный издатель